

Представлено останню частину збірки приміток, укладених керівником марбурзької лабораторії "Макаренко-реферат" до видання стенограм усіх відомих на сьогодні публічних виступів А. С. Макаренка, виголошених у 1936–1939 рр. У примітках до 19 – 22-го виступів мова йде про вплив колишнього директора Полтавського вчительського інституту О. К. Волніна на становлення Макаренка як педагога, про перші, несхвальні відгуки критиків на його повість "Прапори на баштах", про деякі неточності Макаренка, зокрема щодо розміру його зарплати на посаді вчителя залізничного училища в Крюкові за царських часів, про зустрічі з Горьким та оцінку останнього книжки Макаренка "Марш 1930 року", про ставлення педагога-письменника до розстрілів "ворогів народу", про обстоювання А. С. Макаренком виробничого виховання, про госпрозрахунок, особовий облік, продуктивність праці комуни імені Ф. Е. Дзержинського тощо.

Представлена заключительная часть собрания заметок, составленных руководителем марбургской лаборатории "Макаренко-реферат" к изданию стенограмм всех известных на сегодня публичных выступлений А. С. Макаренко в период с 1936 по 1939 годы. В примечаниях к 19 – 22-му выступлениям речь идет о влиянии бывшего директора Полтавского учительского института А. К. Волнина на становление Макаренко как педагога, о первых, нелестных отзывах критиков на его повесть "Флаги на башнях", о некоторых неточностях Макаренка, в частности, касательно размера его зарплаты на должности учителя железнодорожного училища в Крюкове в царские времена, о встречах с Горьким и оценке последним книги Макаренко "Марш 1930 года", об отношении педагога-писателя к расстрелам "врагов народа", о приверженности Макаренко производственному обучению, о хозрасчете, личном учете, производительности труда коммуны имени Ф. Э. Дзержинского и др.

Paper represents the last part of the notes compiled by the head of the Marburg laboratory "Makarenko-abstract" to the transcripts of all the currently known public speeches of Makarenko made between 1936 and 1939. The notes to the 19th – 22nd speeches are about the influence of A. K. Volnin, former Director of Poltava Teachers' Institute, on the formation of Makarenko as teacher, about the first brickbats from critics at his novel "Flags on the Towers", about his inaccuracies in some details about himself, in particular the amount of his salary as a teacher at Railway School of Kryukiv in Tsarist times, about attitude of the educator writer to shootings of "enemies of the people", about Makarenko standing up for industrial education, about the self-financing, personnel records, performance of the commune n. a. Dzerzhinsky, etc.

УДК 371.4(477.53)

НА ПУТЯХ К НАУЧНОЙ БИОГРАФИИ А. С. МАКАРЕНКО (окончание*)

Г. Хиллиг

19. Речь на юбилее школы № 1 Ярославской железной дороги в Москве (18.02.1939 г.). РГАЛИ, 332-4-185.

Прим.2: "Среди вас я вижу и моего учителя – Александра Константиновича Волнина". Волнин – директор Полтавского учительского института во время обучения там Макаренко в 1914-17 гг. Автор статьи "Антон Семенович Макаренко в учительском институте" (в кн.: Учебно-воспитательная работа в детских домах. Бюллетень 2-3, М., 1941, с.117-24). Как видно из неопубликованной части этих воспоминаний, в связи с украинизацией института после Февральской революции Волнин в конце 1916/17 уч. г. был вынужден покинуть полтавское заведение и переселиться в Новосибирск, где также стал директором учительского института

(см.: РГАЛИ, 332-4-455, л.8). В 1950-х гг. – преподаватель пед. института в г. Кирове. Заслуженный учитель РСФСР (ПС 4, с.384, пр.2).

Прим.3: "У него (Волнина) я занимал главное положение моей педагогической веры: как можно больше требования к человеку и как можно больше уважения к нему". Вариант этой фразы, которую газ. "Харьковский пролетарий" от 02.10.1927 г. привела как "важнейший лозунг в колонии" им. Горького, сам Макаренко цитирует в письме "пролетарскому писателю" от 18.04.1928 г. (Переписка, с.55, 156). Необходимо отметить, что вышеупомянутые слова из доклада, прочитанного педагогом-писателем в Москве, были произнесены в присутствии адресата (Волнина); однако тремя неделями позже, на выступлении в далеком Харь-

* Початок у "ПМ", 2011, № 1–4.

кове, Макаренко, говоря о своей "основной педагогической вере", ссылается на Горького (см. док. № 21, прим.39) – такое понятие существует в макаренковедении до наших дней.

Достоин упоминания и то обстоятельство, что Волнин в своих написанных в 1940 г. воспоминаниях макаренковские слова обобщает таким образом: "Жизненные ценности не всегда поддаются точному измерению [...]. Так и мне трудно измерить и трудно... рассказать, как много сделали для меня и для других мои учителя. Они были работниками Полтавского учительского института перед самой революцией. В то время, разумеется, они не могли быть большевиками и открыто воспитывать большевистские характеры. Но из их рук много вышло большевиков, и многие из них положили головы на фронтах гражданской войны. Это потому, что они были всегда настоящими людьми, и они воспитывали в нас лучшие человеческие стремления. В моем же педагогическом развитии они создали самые главные принципы и навыки духа. У них я заимствовал главные положения моей педагогической веры: как можно больше требования к человеку и как можно больше уважения к нему" (РГАЛИ, 332-4-455, л.9; курсивом выделены различия – Г.Х.). Достоверность данного высказывания автор пытался подчеркнуть с помощью следующего примечания: "Эти слова [...] приводятся по тексту речи, отпечатанному на пишущей машинке, за собственноручной подписью Антона Семеновича" (там же).

20. Публичная лекция в Московском гос. университете на тему "О коммунистическом воспитании и поведении" (01.03.1939 г.). РГАЛИ, 332-4-186.

Прим.11: "Легко сказать – "от каждого по способности, каждому по потребности"". Цитата из Нового завета (Послания апостолов), а также из программы Первого интернационала.

Прим.13: "Первые не поверили критики. Они сказали: Макаренко рассказывает сказки". Имеется в виду первый отклик на повесть "ФнБ", опубликованный в ленинградском журнале "Лит. современник" (1938, № 12, с.226-27) – пародия А. Флита "А. Макаренко. Детки в сиропе. (Фрагменты медового романса)"; см. также статью лит. критика Ф. Левина "Четвертая повесть А. Макаренко" (Лит. критик, 1938, № 12, с.138-43).

Прим.14: "Другой критик добавил: это мечта Макаренко". Речь идет о подробной статье М. Лоскутова "Два писате-

ля", напечатанной в "Лит. газете" (1938, № 69, 15.12, с.5). Проводя сравнительный анализ "ПП" с "ФнБ", рецензент доказывает, что эти произведения принадлежат как бы двум разным авторам. По мнению Лоскутова, книга "ФнБ" является "творческим перевоплощением некоей авторской мечты".

Прим.17: "Я в позапрошлом году поехал с товарищем по Волге. Хороший друг". О такой трехнедельной поездке Макаренко с товарищем в 1937 году исследователям ничего не известно. По всей вероятности здесь подразумевается волжско-черноморский поход коммунаров-дзержинцев летом 1933 г., в котором участвовал и начальник финансовой части К. С. Кононенко (о нем см. док. № 12, прим.5). В своих воспоминаниях "Забудь его нельзя" он пишет: "Наша дружба все крепла. Особенно она упрочилась во время летней поездки коммуны по Волге и на Кавказ. В долгие вечера и ночи, лежа рядом на полках вагона, сидя на палубе парохода, мы вели с ним нескончаемые беседы" (Свидетельства искренней дружбы: Воспоминания К.С. Кононенко о А. С. Макаренко. Марбург, 1997, ОМ № 20, с.8). С помощью намеренного изменения даты этой поездки (с 1933 г. на 1937 г.) Макаренко, очевидно, хотел отвлечь слушателей от того обстоятельства, что данный поход состоялся во время голода на Украине и в южных областях России.

Прим.18: "Блаженны... Радуйтесь и веселитесь". См. Евангелие (канонический перевод на рус. яз.): "Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать, и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика награда ваша на небесах". Лука 6, 22-23.

Прим.19: "[...] посмотрите на птиц небесных, они ничего не делают, а живут". См. Матф. 6, 26: "Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их?"

Прим.22: "У вас это тоже, наверное, бывает. Встает вопрос: а для чего жить? А какая цель жизни? И потом такая сентенция: везде материя. Материя, материя и материя. Живем, а потом умрем и сгнием.

Я с ним возился, возился – не за что взять. А тут приехал товарищ и замечательно сказал: "Материя, говоришь?" – "Да". – "И музыка Чайковского тоже материя?" – "Да". – "Ну, что же, с такой материей и жить можно. Материя хорошая. Никакой другой материи не хочу, и духа другого не хочу". И убедил человека". См.: Ницше (Nietzsche) Фридрих

(1844-1900): "Так говорил Заратустра", из гл. "О старых и новых скрижалях": "К чему жить? Все – суета! Жить – это молотить солому; жить – это сжигать себя и все-таки не согреться". – / Эта старая болтовня все еще слывет за "мудрость"; за то, что стара она и пахнет затхлым, еще более уважают ее. Даже плесень облагораживает ... / ... Много ребяческого в старых книгах мудрости. / И кто всегда "молотит солому", какое право имеет он хулить молотилу! Таким глупцам следовало бы завязывать рот! / Они садятся за стол и ничего не приносят с собой, даже здорового голода; и вот хулят они: "все – суета!" / Но хорошо есть и хорошо пить, о, братья мои, это, поистине, не суетное искусство! Разбейте, разбейте скрижали тех, кто никогда не радуется!"

См. также письмо Макаренко от 15.08.1938 г. бывшему коммунару-дзержинцу Федору Борисову, инженеру, по словам педагога-писателя, "без сомнения самому способному" из выпускников рабфака коммуны 1933 г. (ПС 1, с.195). Здесь говорится: "Рассуждения о том, что мы – материя, – рассуждения лишние. Никто еще не знает, что такое материя, но можно уже предчувствовать, что материя очень сложная штука. А если даже и материя, так почему это плохо? Какое ты имеешь право презирать материю? Материя – это прямо замечательная штука, богатая возможностями и красотой. И я хочу жить в материи, которая в моем ощущении все-таки представляется богатой и великолепной моей личностью. / Самое главное, Федор, надо уметь видеть прелесть сегодняшнего и завтрашнего дня и жить этой прелестью. В этом и заключается мудрость жизни и, если хочешь, ее цель. Только один человек видит прелесть жизни в куске хлеба или водке, а другой находит более сложные и богатые прелести – в работе, красоте, борьбе, в росте человеческой материи. Уже и сейчас материя, выраженная в музыке Бетховена или Чайковского, в великих изобретениях, в технике, – очень высокая штука, такая высокая, что я не променял бы ее на вечность" (ПС 8, с.87).

Прим.23: "Сейчас последний прекрасный закон о точном прибытии на работу. Многим кажется, что этот закон требует напряжения, что это жестоко". См. С 5 (1951), с.496; С 5 (1958), с.538: "А.С. Макаренко имеет в виду постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС от 28 декабря 1938 г. "О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного социального страхования и борьбе с злоупотреблениями в этом деле". В постановлении сказано: "Государство требует и ра-

бочий класс поддерживает это требование, чтобы установленная законом продолжительность рабочего дня соблюдалась в точности и без всяких нарушений, чтобы там, где установлен восьмичасовой, семичасовой или шестичасовой рабочий день, работа производилась согласно закону, полных восемь, семь или шесть часов" (см. сборник "Трудовое законодательство", М., "Профиздат", 1946. стр. 87)". Указанное постановление явилось прологом к введению серии жестких законов и подзаконных актов (1939-май 1941 г.), резко ухудшающих положение трудящихся в СССР.

Прим.26: "Даже Маркс считает, что дети с 14 лет должны принимать участие в производительном труде". См. док. № 18, прим.16.

Прим.27: "'Флаги на башнях" – здесь нет ничего выдуманного, там описана только правда". Это типичная для макаренковских публичных выступлений 1936-39 гг. неискренность. См. также комментарий в ПС 4, с.395, пр.11: "А. С. Макаренко подчеркивает реализм этой книги ("Флаги на башнях"), его соответствие жизненной правде. Это не означает, что в этом произведении нет художественного вымысла, типизации".

Прим.29: "Требования нашей партии – большие требования к человеку и коллективу". Здесь оратор публично отмежевывается от своей генеральной установки на неразрывное единство требования и уважения к человеку и, конечно, к коллективу в его макаренковском значении.

См. дикий и бессмысленный комментарий в ПС 4, с.395, пр.12: "А.С. Макаренко руководствовался марксистско-ленинским учением об объективных законах воспитания и его социальной, классовой природой". Никогда Макаренко таким положением не руководствовался. Только требование без уважения – это не марксизм-ленинизм, а сталинщина с ее крепостническим самодержавием, всевластием работодателя-государства.

21. Доклад в Харьковском гос. педагогическом институте (09.03.1939 г.). РГАЛИ, 332-4-187.

Прим.1: "Я сын рабочего, маляра, железнодорожника, который на вагонном заводе проработал 47 лет". Симеон Григорьевич Макаренко, отец педагога-писателя, работал в ремонтных мастерских Южной ж.д. Последнее его место работы, Крюковские мастерские, лишь в советское время были реорганизованы в вагонный завод.

Прим.2: "Это было такое низкое обращение, что мне могли доверить только

должность помощника учителя в низшей начальной школе, с жалованьем 25 рублей в месяц". В действительности Макаренко 01.09.1905 г. был назначен учителем (а не помощником учителя) двухклассного ж.д. училища в Крюкове. О величине его заработной платы см. опровержение В.С. Макаренко (в письме от 03.02.1975 г. составителю данного издания): "Это ложь: он получал 47 р. 50 к., плюс 12 билетов бесплатных (6 на Южн. ж.д. и 6 по всей Империи), плюс бесплатно 2 тонны угля в год, плюс керосин, плюс бесплатную медицинскую помощь вплоть до больницы, плюс бесплатную баню и пр. И т.д., и т.д.". Зарплату в размере 47 рублей 50 копеек брат А.С. Макаренко Виталий уже упоминал в своих воспоминаниях 1973 г. Подтверждение этой суммы содержится в воспоминаниях учителя Л.Т. Степанченко "Антон Семенович Макаренко в моей жизни" (Кривой Рог, 1963), где сказано: "[...] ж.д. школы были почему-то в особо привилегированных условиях: рядовой учитель здесь получал около пятидесяти рублей, плюс бесплатные билеты на проезд по втором классе". (Хиллиг Г., Он родился и вырос в России. Вместо некролога. Марбург, 1987, ОМ № 8, с. XX-XXI).

Прим.3: "Вот 16 лет, с 1920 по 1936 г., я вел один коллектив: колонию им. Горького и коммуну им. Дзержинского". См. док. № 5, прим.20.

Прим.4: "[...] там (в коммуне) уже было пятьдесят моих бывших горьковцев. А вслед за мной очень много, еще сотня горьковцев тоже перешли в коммуну им. Дзержинского". По поводу числа переселенцев из колонии в коммуну см. док. № 5, прим.21.

Прим.5: "Ни одного письма учителяского по поводу этой книги ("Марш 1930 года"), ни одной критической заметки". На самом деле известна одна рецензия на данное произведение: журн. "Худож. литература", 1933, № 4, с.31-32 (Л. Гессен).

Прим.6: "[...] Алексей Максимович Горький, который, живя в Сорренто, ухитрился получить (я ему не посылал и он не знал, что я ее (книгу "Марш 1930 года") написал) [...]". Вопреки этому предположению оратора, Горький все же был в курсе дела. Уже в июне 1931 г. издательство по настоянию "пролетарского писателя" выслало ему рукопись "Марша". Ознакомившись с этим произведением, Горький неоднократно обращался к председателю Госиздата А.В. Халатову с просьбой ускорить его публикацию (см.: Архив А.М. Горького, т.10, кн.1. М., 1964, с.254). Макаренко, очевидно, не знал о таких усилиях своего покровителя.

Прим.7: В письме от 17.12.1932 г. Горький писал: "Дорогой Антон Семенович – / вчера прочитал Вашу книжку "Марш 30-го года". Читал – с волнением и радостью. Вы очень хорошо изобразили коммуну и коммунаров. На каждой странице чувствуешь Вашу любовь к ребятам, непрерывную Вашу заботу о них и такое тонкое понимание детской души. Я Вас искренне поздравляю с этой книгой. Вероятно, немножко напишу о ней". (Переписка, с.72-73.) Экземпляр книги с отдельными подчеркиваниями и правками рукой Горького находится в личной библиотеке писателя (Музей А.М. Горького в Москве).

Прим.8: "Сейчас я сдал в печать второй том ("Кдр") [...]". См. док. № 18, прим.6.

Прим.10: "[...] Макаренко не литератор и не художник, а мастер-фактограф". Имеется в виду статья Ф. Левина "Четвертая повесть А. Макаренко" (см. док. № 20, прим.13), где рецензент пришел к заключению: "Макаренко обнаруживает неумение создавать характеры, не говоря уже о типизации их. Он силен лишь как рассказчик о действительных событиях и людях и слаб как художник – творец синтетических образов" (с.154).

Прим.13: "Последние семь лет коммуна им. Дзержинского жила на хозрасчете – это совсем не пустяк". Переход цехов на хозрасчет коммуна начала лишь с 06.07.1932 г. (Вт.р., с.30), т.е. в связи с передачей "секретных цехов" ее производств в АХУ НКВД УССР (см. док. № 2, прим.9).

Прим.27: "Как можно руководить 1200 детей, если нет картотеки! Это некультурно, так руководят десятилеткой только на какой-нибудь Новой Гвинее. У нас должны быть картотека, учет". С таким требованием по поводу эффективного руководства писателей Макаренко уже выступал на их общемосковском собрании в апреле 1937 г.: "Нам нужен настоящий, специальный, прекрасно организованный американский учет нашей работы, наших недостатков, наших тем, наших ошибок. Это, конечно, не бухгалтерский учет. На таком учете должны работать хорошие писательские кадры. Такой настоящий учет, такой совершенный учет по последнему слову техники должен быть в президиуме правления [...]". (GW 9. Ravensburg, 1978, с.75).

Прим.33: "Я вообще сторонник не только трудового воспитания, а [но. – Г.Х.] и производственного воспитания, и Маркс прямо об этом говорит, что все дети с 14 лет должны принимать участие в производстве". См. док. № 18, прим.16.

Прим.35: "Я с ним (Горьким) встретился основательно один раз, когда он приехал ко мне в колонию Горького. Жил у меня три дня". Это Макаренко утверждает также в статье "Максим Горький в моей жизни" (1936 г.): "[...] прожил в ней три дня [...]". В колонию его имени Горький прибыл 08.07.1928 г. Но уже на следующий день из Куряжа он отправился в коммуну им. Дзержинского.

Прим.36: "Два раза был у него [...]". У Горького в Москве Макаренко был 21.09.1933 г. (передача рукописи "ПП") и во второй половине апреля 1934 г. (консультация по поводу пьесы "Мажор"); см.: Переписка, с.172, 176.

Прим.37: "[...] один раз в поезде приезжал вместе с ним [...]". 21.09.1934 г. Макаренко встретился с Горьким на его даче в Горках под Москвой, а с 23 по 25.09 сопровождал его в поездке в Тессели, Крым; см.: Переписка, с.179.

Прим.38: "[...] и еще где-то один раз в Одессе видел, когда он ехал из Италии через Турцию". 17.05.1933 г. Горький прибыл из Италии в Одессу – окончательное его возвращение в СССР; см.: Летопись жизни и творчества А.М. Горького. Вып.4, М., 1960, с.295.

Прим.39: "Самое важное, что я нашел в нем (Горьком), – это большая вера в человека и большая требовательность к человеку. / Я считаю, что в этом смысле Горький – один из лучших педагогов, ибо он предъявляет максимальные требования к человеку, максимальное уважение. Это и моя основная педагогическая вера". См. док. № 19, прим.3.

Прим.40: "[...] расстрел в нашей стране вовсе не значит, что тот человек, которого расстреляли, почему-либо неправ; наверное с ним еще можно возиться, но коллективный опыт, коллективное требование, коллективный гнев – вот что нас прежде всего интересует. Мы уничтожаем таких врагов, хотя возможно, что они как-нибудь могли прожить, и, уничтожая их, мы усиливаем наше требование к человеку и наше уважение к коллективу и наши надежды, и нашу ненависть к врагам". Данное высказывание в советских изданиях трудов педагога-писателя в таком виде никогда не публиковалось. Для его оценки следует обратить внимание на то, что Макаренко эти чересчур острые слова сказал в присутствии неизвестной ему публики.

22. Выступление "Из опыта работы" на совещании учителей Ярославской железной дороги в Москве (29.03.1939 г.). РГАЛИ, 332-4-188, лл.16-33.

Прим.1: "Мне в Полтаве предложили заниматься в здании Групп совнархоза [Губсовнархоза. – Г.Х.]". Летом 1920 г. Макаренко временно работал в аппарате Полтавского губотдела наробразаведующим секцией детских колоний (Центральный державный архив вищих органів влади України, 166-1-950, л.43). Губнаробраз находился в здании Губсовнархоза.

Прим.2: "Приходя туда, я всегда находил там грязные канцелярские столы, окурки на полу и, как правило, воздух, состоящий главным образом из никотина и дыма. Обстановка была ужасная. Заниматься в таких условиях было очень трудно, и, разумеется, я готов был ударить куда угодно, даже к правонарушителям". Первый редактор стенограммы данного выступления А.Г. Тер-Гевондян, сотрудник макаренковской лаборатории при Институте теории и истории педагогики АПН РСФСР, дополнил в конце 1940-х годов соответствующее место высказывания докладчика таким образом: "Заниматься с детьми в таких условиях [...]" (РГАЛИ, 332-4-188, лл.1, 16, 24). Так он закладывал основы для традиции советского макаренковедения: великий педагог до момента его перевода в колонию якобы работал учителем в одной из школ Полтавы.

Прим.3: "Вот в 1936 году этот мой опыт закончился более или менее насильственно, не по моему желанию, не по моей вине". О стремлении Макаренко (в своих выступлениях московских лет) продлить срок работы в коммуне им. Дзержинского см. док. № 5, прим.20.

Прим.8: "Я теперь буду бороться за идею, что в нашей советской школе должно быть производство". К "еретическим" планам восстановления производительного труда школьников Макаренко возвращался и в предыдущих выступлениях (см. док. № 18, прим.16; № 20, прим.26; № 21, прим.33). В настоящем докладе в присутствии уже известной ему публики эти мысли были уточнены и усилены: "в нашей советской школе должно быть производство".

Прим.9: "Коммуна Дзержинского существовала восемь лет". "Дзержинка" работала и после 1935 г., когда Макаренко ушел из коммуны. С начала 1939 г. эта "производственно-воспитательная база для правонарушителей" НКВД УССР была реорганизована в промышленный комплекс и переименована в Харьковский комбинат НКВД СССР им. Ф.Э. Дзержинского; см. многотиражку "Дзержинец" (Харьков), 1939, № 4. 20.01, с.2.

Прим.10: "[...] последние семь лет она (коммуна) покрывала содержание заво-

да, общежития, всего быта, пищи, одежды, школы целиком и 5 млн. рублей давала государству чистой прибылью". О доходе производства коммуны им. Дзержинского см. док. № 2, прим.29; № 17, прим.20.

Прим.11: "Человек-творец" – настоящая формулировка восходит к известному выражению римского историка Гая Саллюстия (Gaius Sallustius; 86-35 до н.э.) "Всякий человек есть творец своей судьбы". Затем это выражение использовалось и в трактовке "человек – творец своего счастья" и в более широком плане "человек-творец".

Прим.18: "Только на 16-м году я нашел у Энгельса место, где было написано, что в школе должна быть проведена правильная военизация". См. док. № 7, прим.12.

Прим.19: "Я в Кисловодске 7 ноября 1938 г. наблюдал, как одна школа строилась на демонстрацию, причем это не было злым умыслом, просто они не могли построиться". С конца октября до конца ноября 1938 г. Макаренко лечился в Кисловодске (санаторий Курортно-санаторного управления им. М. Горького).

Прим.24: "Последние 5 лет мне присылали школьников, которые в школе дошли, что называется, до ручки, и мне отдавали этих ребят в качестве братьев [барингов. – Г.Х.]. / Эти дети, конечно, тяжелее беспризорных. У беспризорного все дороги сходятся на коммуне, на мне и на учительском коллективе. У этого – папа и мама. А у папы иногда автомобиль, ромб, патефон и деньги". Имеются в виду руководящие сотрудники ГПУ/НКВД УССР.

Прим.25: "Действие на семью через учеников я мог усилить, когда у меня была военизированная школа. [...] Я приходил во двор, бригада была выстроена, и я со всей бригадой обходил квартиры". Такое обращение к собственному опыту является плодом фантазии докладчика. А.Г. Тер-Гевондян на основании производной вставки Г.С. Макаренко в первую фразу ("[...] военизированная школа в Крюкове; РГАЛИ, 332-4-188, л.21.) "уточнил" данное сообщение следующим образом: "Действие на семью через учеников можно усилить. Я работал в Крюковской железнодорожной школе. Ученики жили в семьях. Я организовал бригады учащихся по территориальному признаку. Все руководители бригад каждое утро отдавали рапорт о том, что делается во дворах, как ведут себя ученики, члены бригад. Приказом я периодически назначал смотр, на смотре присутствовали, кроме меня, старосты классов. Я приходил во двор, бригада была выстроена, и я

с членами бригады обходил квартиры, где жили ученики моей школы"; С 5 (1951), с. 318. Именно в таком виде данный эпизод включен во все советские издания трудов педагога-писателя. Впрочем, этот способ контроля за учащимися, их семьями, считается изобретением именно Макаренко и по сей день используется некоторыми школьными администраторами, причем не только (пост)советскими.

Стаття надійшла в редакцію 1.04.2011 ■

Бібліографічний опис цієї статті:

Хиллиг Г. На путях к научной биографии А.С. Макаренко / Г. Хиллиг // Постметодика. – 2011. – № 5(102). – С. 53– 58.